

О ДУХОВНОМ КРИЗИСЕ

М.Н. МИРОНОВА *

Автор, исследуя феномен духовного кризиса и обращаясь к самым различным источникам – Священному Писанию, наследию св.Отцов Церкви, работам современных богословов и психологов, предлагает определение его сущности и содержания, а также выдвигает предположения о его структуре. Опираясь на богословские тексты и писания св.Отцов, автор формулирует некоторые рекомендации для практической работы психолога с людьми, переживающими духовный кризис. На основе произведенного анализа и собственного опыта практической работы по сопровождению первых этапов кризиса, автор описывает его особенности у современных нецерковных и уже воцерковленных людей, производит сравнительный анализ описанного духовного кризиса с «кризисом, обусловленным духовным пробуждением» в психосинтезе.

Тема духовного кризиса обсуждается и исследуется различными направлениями психологии. Так, в психосинтезе существует описание «кризиса, обусловленного духовным пробуждением» (Ассаджиоли, 1994), в трансперсональной психологии мы встречаем указание на состояние духовного кризиса (С.Гроф, К.Гроф, 1996). Для нас же, христианских психологов, естественно обратиться, обсуждая этот вопрос, к наследию св. Отцов и современному богословию. Мы уже знаем, насколько такой путь плодотворен и богат приобретениями для психологии.

Прежде всего, отметим, что термин «кризис» (от греч. krisis – исход, суд, поворотный пункт, открывшаяся возможность) органично связан с христианской традицией. В Священном Писании мы встречаемся с повествованием о событии, которое может быть интерпретировано и как суд, и как поворотный пункт, как открывшаяся возможность и исход – это вет-

* *Миранова Марина Николаевна* – кандидат психологических наук., зав. каф. педагогики и психологии КОИПКРО, преподаватель психологии Калужской духовной семинарии.

хозаветная книга Иова (Иов 1:42). Иов был верен Богу, «непорочен, справедлив, богобоязнен и удалялся от зла», как мы бы теперь сказали, он состоялся и в социальном, материальном, и в личностном плане. Его жизнь текла размеренно, естественным образом. Но однажды сатана предстал перед Господом и высказал сомнения в том, что Иов искренен в своем отношении к Богу: ведь Господь Сам дал ему все, что у него есть. «Но простри руку Твою, и коснись всего, что у него есть – благословит ли он Тебя?». Тогда Господь согласился испытать Иова и разрешил сатане забрать все, что есть у праведника, но с одним условием – самого Иова не трогать. И вот лишился Иов всего, что имел: погибли его дети, и скот, и богатства. Но Иов не согрешил перед Богом, не произнес о Нем ничего неразумного, сказав: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно». И вновь пришел сатана к Богу, чтобы доказать свое: если поступить с Иовом более сурово, то он уже не сможет оставаться верен Богу, потому что «За жизнь свою отдаст человек все... простри руку Твою, и коснись кости его и плоти его, благословит ли он Тебя?». И вновь позволил Господь сатане испытать Иова: «Вот, он в руке твоей, только душу его сбереги». И поразила Иова проказа. Далее на долгих страницах книги описываются его страдания. Жена требовала, чтобы Иов сделал очевидное: похулил Бога и умер. Друзья укоряли его за грехи, так как «Бог не отвергает непорочного». А Иов взывал к Господу, доказывая, что не виновен и вопрошая: «Зачем поставил противником Себе?». Он считал себя правым и требовал, чтобы Бог предстал перед ним и дал ответ за страдания. И вот Бог спросил Иова, знает ли он, кто создал Землю, кто сказал морю: «До селе дойдешь и не перейдешь», кто «проводит потоки для изливания воды», знает ли он «уставы неба» и может ли установить господство его на земле, и закончил таким обращением: «Будет ли состязующийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает ему». И только тогда Иов осознал собственную несостоятельность как требующего что-либо у Бога: «Вот я ничтожен; что буду отвечать Тебе?». И на вопрос Господа: «Хочешь ли ты обвинить Меня, чтобы оправдать себя?», Иов ответил, что говорил так потому, что «не разумел о делах чудных... которых... не знал». Иов «раскаивается в пепле», и вместе с тем с ним происходят изменения: если раньше он только слышал о Боге, то теперь может видеть Его своими глазами. Господь укоряет друзей Иова, что они говорили о Нем не так верно, как Иов, который может теперь молиться за них, так как Господь примет только его лицо. Бог благословляет последние дни праведника, возмещает потери и дает вдвое больше того, что он имел прежде; «и умер Иов в старости, насыщенный днями».

Прежде чем рассмотреть историю Иова как описание духовного кризиса, вернемся в поле психологии и обратимся к одному из описаний кризиса, сделанному К.Н.Поливановой (1994) на основе обобщения представлений Л.С.Выготского и Д.Б.Эльконина. Хотя оно было разработано применительно к кризису детского развития, мы считаем (и попытаемся далее доказать), что и динамика, и структура кризиса в данном случае имеют общепсихологический характер. Кризисы развития или возраста, если мы понимаем возраст как форму развития (Слободчиков, 2000, с.188), отличаются друг от друга содержанием, но не формой, и следовательно, данным описанием можно, до некоторой степени, воспользоваться для анализа любого кризиса развития.

Основные положения разvertываемых К.Н.Поливановой представлений о кризисе таковы: структура кризиса есть отражение динамики взаимопереходов реальной и идеальной формы; изменения происходят за счет открытия, «явления» идеальной формы, сам же кризис есть момент обнажения границы реальной и идеальной формы; в кризисе действуют конструктивная и деструктивная составляющие, которые принципиально нерасторжимы, один и тот же акт поведения в кризисе оказывается двунаправленным – одновременно и разрушающим старое, и формирующим новое; кризис в своей структуре имеет три фазы: предкритическую, собственно критическую и посткритическую.

Предкритическую фазу Л.С.Выготский называл фазой влечений. Здесь человеку открывается неполнота той реальной формы, в которой он живет, именно в этот момент человек из «здесь и сейчас» предшествующей деятельности выходит во временную перспективу, открывает идеальную форму и идеализирует ее.

Собственно критическая фаза характеризуется наибольшим обострением возникающего противоречия. Она распадается на три этапа:

— *Этап «мифа о себе»*

Здесь происходит попытка материализовать свои наиболее общие – идеализированные – представления об идеальной форме в реальных жизненных ситуациях. Мы имеем дело с мифологизацией представлений о перспективе своего развития. Идеальная форма представляется на данном этапе в наиболее целостном, нерасчлененном виде. Миф идеальной формы должен преодолеваться на дальнейших этапах кризиса.

— *Этап «конфликта»*

Первоначально он реализуется во внешнем плане, затем – интериоризируется. Этот наиболее драматичный, но необходимый этап кри-

зиса позволяет предельно обнаружить собственные позиции и создать условия для их рефлексии. До конфликта единственной преградой для реализации «нового себя» остаются внешние ограничители – «старые» формы жизни, взаимоотношения. Конфликт же создает условия для дифференциации ограничителей. Посредством конфликта обнаруживается, что часть из них, действительно, связана с теряющими свою актуальность табу, но какая-то часть связана с собственной недостаточностью, неспособностью. В конфликте с предельной ясностью обнаруживаются и эмоционально переживаются преграды к реализации идеальной формы. Внешние преграды убираются, остаются только внутренние. Именно этот момент создает условия для преодоления кризиса.

— *Этап «рефлексии»*

Прежде чем собственно критическая фаза завершится, должны произойти рефлексия собственных способностей и возникнуть новообразования кризиса (интеллектуальная рефлексия может быть лишь одной из форм). Рефлексия представляет собой интериоризацию конфликта между желаемым и возможным. На данном этапе происходит снижение Я-реального и дифференциация Я-реального и Я-идеального. Дифференциация самооценки создает основу для перехода в посткритическую фазу и новую ситуацию развития. Предшествующий стабильный период содержательно снимается в новообразованиях, свободных от деятельности, в которых они сформировались.

Посткритическая фаза представляет собой переход к новой ведущей деятельности, поиск нового «значимого другого». На этом этапе реализуется идеальная форма (полноценная, а не идеализированная и формальная).

При патологическом течении кризиса может произойти искажение его нормальной динамики, «застревание» на каком-то из этапов и, как следствие, ущербность новообразований, развитие компенсаторных механизмов. Рассмотренная здесь структура кризиса есть отражение логики процесса, ее нельзя идентифицировать с хронологией, индивидуальные варианты течения необыкновенно разнообразны.

Вновь обратимся к книге Иова, с тем, чтобы провести параллели с психологическим описанием кризиса развития. Прежде всего, богословы отмечают, что история Иова посвящена личной встрече праведника с Живым Богом. Суть кризиса здесь состоит в том, что непорочный, справедливый, богобоязненный – лично зрелый человек – в результате переживания кризиса увидел Бога и разговаривал с Ним. Бог принял его лицо. Это – идеальная форма кризиса.

Иов уже был верным и преданным Богу, но, тем не менее, подвергнут Богом испытанию. Бог знает все наперед, и у него не было необходимости убеждаться в верности праведника, а значит, испытание было нужно самому Иову как необходимый этап его развития. Замечание, что «Господь Сам все дал Иову» может указывать на то, что ветхозаветный Иов до момента кризиса жил по естественному закону, по закону совести в рамках ветхой, безблагодатной природы. Ветхий (естественный) Завет служит духовным приготовлением к принятию вышеестественного, благодатного Нового Завета. Только после принятия благодати Святого Духа человек становится со-работником и со-общником Божиим, т.е. может делать нечто угодное Богу в синергии с Ним.

Некоторые св.Отцы утверждали, что люди, рожденные в ветхозаветные времена, тем не менее могли принять благодать Святого Духа, т.е. становились в этом смысле новозаветными – обновленными (или избранными). Так, в трактате «О крещении» (I, 24-25) блаж.Августин писал: «... в таинствах Ветхого Завета уже были некоторые люди духовные, втайне принадлежащие к Завету Новому, который тогда еще был запечатан...». Если учесть подобные высказывания св.Отцов, то можно предположить, что книга Иова повествует о периоде, когда благочестивый Иов переживал обновление благодатью Святого Духа, чтобы из ветхозаветного праведника превратиться в новозаветного. Этот период обновления благодатью Святого Духа мы и будем называть духовным кризисом.

Продолжим цитату из блаж.Августина: «Как в таинствах Ветхого Завета уже были некоторые люди духовные, втайне принадлежащие к Завету Новому, который тогда еще был запечатан, так и теперь, в таинствах Нового Завета... оказывается, что многие живут по естеству, и, если они не приступают к приятию того, что от Духа Божия, к чему призывает их речь Апостола, то они все еще относятся к Ветхому Завету» (I, 24-25). Преп. Иоанн Кассиан Римлянин писал: «...теперь находится в нашей власти — состоять ли под благодатью Евангелия или под страхом закона. Ибо всякому необходимо по качеству своего действия пристать к той или другой стороне. Превосходящих закон воспринимает благодать Христова, а низших закон удерживает, как своих должников и повинных ему. Ибо повинный против заповедей закона никак не может достигнуть евангельского совершенства, хотя бы и хвалился, что он христианин и освобожден благодатью Господа, но напрасно. Ибо надобно считать еще состоящим под законом не только того, кто отказывается исполнять заповеди закона, но и того, кто довольствуется только соблюдением повелений закона и вовсе не приносит плодов, достойных звания и благодати Христовой...» (1992, с.542-543). Подтверждение сосуществования двух Заветов

тов, в том числе и в одном человеке, встречаем мы в творениях свв. Иринея Лионского, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Симеона Нового Богослова и других; этот вопрос подробно изложен в книге преподавателя МДА А.А.Зайцева (2002, с. 50-54). Таким образом, превращение ветхозаветного человека в новозаветного может произойти с современным человеком, даже воцерковленным христианином, и протекает оно через духовный кризис, аналогичный по сути кризису Иова.

Для объяснения, почему обновление Святым Духом происходит не сразу после того, как мы становимся членами Церкви, процитируем слова современного подвижника: «Часто Господь ждет того времени, когда мы достаточно созреем, чтобы произнести над собой суд, и когда мы станем способными принять и Его безусловный, справедливый, нелицеприятный суд, но в нем увидеть не свое осуждение, а Божий призыв, Божий зов к тому, чтобы нам вырасти в полную меру человеческого достоинства» (*Митрополит Антоний Сурожский*, 1993, с.105-106). Созревание, с точки зрения богословской, всегда связывается с состоянием «сердца», так как сказано: «взойдет утренняя звезда в сердцах ваших» (2 Петр, 1, 19). Мы предполагаем, что «сердце», говоря психологическим языком, «настраивает» сферу смысловых отношений сознания.

В картине кризиса, пережитого благочестивым Иовом, и кризиса психического развития в описании К.Н.Поливановой, есть целый ряд перекликающихся моментов: ярко выраженный этап конфликта, который вначале развивается вовне, а затем интериоризируется; осознание своей недостаточности; снижение самооценки как проявление этапа «рефлексии». Еще одна важная с психологической точки зрения деталь: в начале повествования Бог разговаривает с сатаной, разрешив ему вмешаться в жизнь Иова и произвести разрушительные действия вокруг него и в его теле. Обращаясь к психологическому описанию кризиса, вспоминаем, что в нем происходит одновременное действие конструктивной и деструктивной составляющих, принципиально нерасторжимых. Если источником конструктивных, «животворящих» сил является Бог, а воодушевителем деструктивных сил – сатана, то их нерасторжимость в духовном кризисе – это психологическое «последствие» разговора Господа с сатаной. С тех пор этот диалог повторяется в каждом человеке, переживающем кризис.

Другим источником, дающим богатые приобретения для обсуждаемой нами темы духовного кризиса, является книга архимандрита Софрония Сахарова «Старец Силуан» (1994). Она написана современным языком, удобна для психологического анализа, и, кроме повествования о жизни святого и его размышлений о духовной жизни, содержит матери-

ал, обобщающий опыт Отцов Церкви, касающийся начального периода духовного пути. Согласно учению св.Силуана Афонского, духовный путь человека состоит из трех этапов: получения благодати, потери ее и возвращения или нового стяжания через подвиг смирения (*архим.Софроний Сахаров*, 1994, с.164). Если предположить, что духовный путь начинается с духовного кризиса, то можно сделать попытку сопоставить описание начала духовного пути, сделанное архим.Софронием на основе бесед со св.Силуаном, со структурой психологического кризиса развития.

Итак, первый этап духовной жизни – получение первой благодати Божией. В творениях аввы Дорофея она называется «призывающей», а свт.Феофана Затворника – «воодушевляющей». Получить первую благодать может любой человек, независимо от того, был ли он до этого момента религиозен: «Многие получили благодать, и не только из пребывающих в Церкви, но и вне Ее сущих, ибо у Господа нет лицепрятия, но никто не сохранил первой благодати, и лишь очень немногие снова стяжали ее (*архим.Софроний*, с.164-165)». Бог может явиться всякому человеку, на всяком пути, даже гонителям своим. Евангелие не отрицает такой возможности, что даже неверующий человек может жить по естественному закону: «...дело закона у них написано в сердцах, чему свидетельствует совесть» (Рим 2:15), и искренне следуя голосу совести, быть подготовлен к принятию обновления Святым Духом.

Как мы видим, речь идет не о знании о Боге, а о личном знании Живого Бога, которое можно рассматривать как новообразование духовного кризиса.

Личное общение человека и Бога начинается Богом: «Великое чудо: душа вдруг познает своего Создателя и его любовь... Бог Сам ищет человека, прежде чем человек взыщет Его... Первое «восхищенье» в видении дается человеку свыше без его исканий, потому что он в силу неведения о нем не мог его искать... Бог...Сам смиренно и терпеливо ищет всякого человека на всех путях его, и потому каждый может в той или иной мере познавать Бога не только в Церкви, но и вне Ее... Бог не творит над человеком никакого насилия, но терпеливо стоит у сердца человеческого и смиренно ожидает, когда откроется Ему это сердце...» (*архим.Софроний*, сс.270,97,138,184). Почему необходимо, чтобы Господь Сам первым явился человеку, понятно из объяснения св. Силуана: «Как будешь искать то, чего не терял? Как будешь искать то, чего не знаешь вовсе?» (*там же*, с.97).

Если начало общения не является волевым актом человека: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос мой и отворит дверь, войду к нему» (Отк 3:20), то продолжение полностью зависит от его воли. Че-

любовь свободен в выборе – продолжать ли общение с Богом: «Свобода человека подлинно реальна и настолько велика, что... даже на... совершенную любовь (Христову), на совершенную жертву кто-то... может ответить отвержением даже в плане вечном и сказать: а я не хочу» (*архим. Софроний*, с.105-106).

Напомним, что первая фаза кризиса развития содержит явление идеальной формы. Кризис перехода к духовному уровню начинается с «явления» идеальной формы: человек посредством получения первой благодати общается с Богом. Продолжение кризиса является волевым актом человека – здесь находится первая особая точка кризиса, первая «развилка»: продолжение развития (совершенствования) по естественному закону или выход на путь сверхъестественного развития по благодати.

Далее динамика кризиса такова: для человека, впервые получившего благодать, переживаемое им: «...столь ново и необычно для него, что не может он уразуметь ничего; он чувствует, что пределы его бытия невыразимо расширились, что пришедший свет перевел его от смерти в жизнь, но от величия происходящего он пребывает в удивлении и недоумении и лишь при повторных посещениях уразумевает полученный от Бога дар... Человек... впервые вводимый в мир вечного бытия, в силу новизны видения и несоизмеримости, несовместимости его со всем окружающим нас миром вещей, поражается недоумением и пребывает в блаженном удивлении. Он не в силах выразить его словами. Он будет немотствовать или говорить нечто почти нелепое» (*там же*, с.169,183). Опишем происходящее на языке кризиса развития: на фоне открывшейся идеальной формы в фазе влечений понимается неполнота реальной формы, «явление» не рефлексивируется интеллектуально.

Приведенное описание позволяет нам утверждать, что первый этап начала духовной жизни и первая фаза психологического кризиса развития, имея различное содержание, вписываются в рамки единой формы – структуры кризиса.

Далее мы узнаем о том периоде духовного пути, который следует сразу после получения первой благодати: «Первый опыт Божественного посещения глубоко поражает всего человека и увлекает его всецело во внутреннюю жизнь, в молитву, в борьбу со страстями. Этот период богат чувством и изобилует переживаниями настолько сильными, что ум весь привлекается к соучастию в них... Для человека, видевшего свет безначального бытия, испытавшего полноту, радость и невыразимую сладость любви Божией, в мире сем не остается уже ничего, могущего его прельстить. В каком-то смысле земная жизнь становится для него тягостною, безрадостной, и он с плачем ищет снова той жизни, к которой ему дано было

прикоснуться... Душа, познавшая Господа Духом Святым, желает только одного Господа, а богатство и славу мирскую вменяет ни во что» (*там же*, с.184,41,293). И о самом, пока еще будущем святом Силуане, тогда еще молодом монахе, переживающем этот период: «Первое явление ему Господа было полно неизъяснимого света; оно принесло богатство переживаний, множество любви, радость воскресения, подлинное и достоверное чувство перехода от смерти в жизнь... Познавшая свое воскресение и увидевшая свет подлинного и вечного бытия, душа... первое время после Явления переживала пасхальное торжество. Все было хорошо: и мир великолепен, и люди приятны... и тело стало легким, и сил словно прибавилось... от избытка радости душа жалела людей и молилась за весь мир» (*там же*, с.44,35).

Обратимся вновь к структуре кризиса развития – за предкритической следует собственно критическая фаза, в свою очередь состоящая из трех этапов. Напомним, что первый этап – «мифа о себе» – характеризуется попыткой непосредственно реализовать идеализированные представления об идеальной форме в реальных жизненных ситуациях. Идеальная форма представляется в наиболее целостном, нерасчлененном виде. В период, следующий за получением первой благодати мы не видим реального изменения смысловых отношений, происходят только субъективное переживание идеальной формы в собственных ощущениях, попытки реализации идеальной формы в рамках прежних отношений. Так, «молитвой за мир» обладают только духовно зрелые подвижники. «Монах – молитвенник за мир... сердце монаха всегда печально о народе, потому что не все спасется... Молиться за людей – это кровь проливать», – часто повторял потом уже окрепший духовно Силуан Афонский (1994, с.216, 232).

В православной традиции любой миф, любая неправда о себе не считается нормой и не может быть оправдана, она носит название «прелести». Согласно учению Восточной Церкви по поводу недопустимости преждевременного достижения духовности, свт.Игнатий Брянчанинов предупреждал: «Они тотчас влекутся... к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная, часто иступленная мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют понятия... Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще неспособен по нечистоте своей, за недостижением истины сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные, ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвизающиеся находятся в этом

состоянии... В святых отцах Восточной Церкви отнюдь не видно разгоряченного состояния крови. Они никогда не приходят в энтузиазм, который, будучи рождением крови, часто на Западе искал пролития крови» (*свт. Игнатий Брянчанинов*, 1995, сс.424-427). В православной аскетике существует принцип, выраженный словами великого подвижника Исаака Сирина: «... кто считает себя достойным к принятию благодати, кто считает себя достойным Бога, ожидает и просит его таинственного пришествия, говорит, что он готов принять, услышать и увидеть Господа, тот обманывает себя, тот льстит себе; тот достиг высокого утеса гордости, с которого падение в мрачную пропасть пагубы» (*св.Исаак Сирин*, 1993, сл.55). Свт. Игнатий Брянчанинов подтверждает: «Прелесть существует уже в самомнении, существует в удостоении себя, в самом ожидании благодати» (1995, с.321).

Таким образом, этап «мифа о себе», с одной стороны, является элементом естественного развития в духовном кризисе, но с другой стороны – для дальнейшего нормального духовного развития – он нуждается в максимальном преодолении собственной волей человека, который отказывается от мифологизации, не принимает ее. Здесь находится вторая «развилка» между путем дальнейшего совершенствования по естественному закону – «во тьму внешнюю» и одиночество и выходом на сверхъестественный путь по благодати – к Живому Богу. Наличие обнаруженных нами особых точек, «развилочек» духовного кризиса, в которых необходимо действие свободной воли человека, для благополучного исхода согласной с Волей Божией, вносит определенные коррективы в нашу первоначальную гипотезу об аналогичности структур духовного и психологического кризиса развития. Духовный кризис – это место пересечения естественного и сверхъестественного путей развития, период сосуществования Ветхого и Нового Завета в одном человеке. Здесь уже действует свободная воля, но еще действует закон, заданный универсальной формой развития.

Следующий этап духовного пути – потеря первоначальной благодати: «...никто, насколько возможно судить из житий и творений Святых Отцов, из устного предания подвижников последних веков и на основании опыта современников, не может удержать в полноте полученный дар... и после, в течение долгого времени, переживает снятие благодати и богооставленность... Путь христианина в общих чертах таков. Сначала человек привлекается к Богу даром благодати, и когда он уже привлечен, тогда наступает длительный период испытаний. Испытывается свобода человека и его доверие к Богу, и испытывается подчас «жестoko»... Душа, познавшая благодать, когда теряет ее, то безутешно тоскует и ни в чем

не находит себе покоя... В начале обращения к Богу и малые и большие, едва высказанные просьбы, обычно скоро и чудесно исполняются Богом, но когда наступает период испытания, тогда все изменяется, и небо словно закрывается и становится глухим ко всем молениям... Ревностному христианину все в жизни становится трудным. Отношение к нему людей ухудшается, его перестают уважать, что прощается другим, ему не прощается, труд его почти всегда оплачивается ниже нормы, тело становится легко подверженным болезням, природа, обстоятельства, люди – все обращается против него. При всех естественных дарованиях, не меньших, чем у других, он не находит применения им... самое тяжелое и невыносимое страдание – Бог оставляет его. Тогда страдания достигают своей полноты, ибо ими поражен весь человек, во всех планах своего бытия... в душе на смену испытанному чувству близости Бога приходит другое, – что Он бесконечно, непостижимо далек» (архим.Софроний, сс.29,195,312-313,278, 195).

Тема богооставленности присутствует у многих святых, она пережита ими на собственном опыте, существуют даже своеобразные классификации этого состояния. Максим Исповедник пишет: «Есть четыре вида богооставленности. Первый – домостроительная богооставленность, как это было с Господом... Второй – богооставленность ради испытания (Иов, Иосиф). Третья – богооставленность ради отеческого назидания (апостол Павел). Четвертый – богооставленность в силу отчаяния» (Максим Исповедник, с.145). В кризисе мы имеем дело с богооставленностью ради испытания. В комментарии к книге архим.Софрония, сделанном игуменом Никоном Воробьевым, говорится, что, как указывали св.Отцы, человеку дано пережить состояние полной оставленности, сознание глубокой своей гибели, бессилия и пр. для того, чтобы он стяжал смирение и вполне оценил благодать Божию, не приписывая даров Божиих себе, своему подвигу.

Вновь попытаемся сопоставить приведенные сведения со структурой кризиса развития. За этапом «мифа о себе» здесь следует этап «конфликта», в данном случае – это «снятие благодати и богооставленность», что является нормой духовного кризиса. На этапе «конфликта», вначале мы наблюдаем конфликт внешний («все в жизни становится трудным»), затем конфликт интериоризируется («тогда страдания достигают своей полноты, ибо ими поражен весь человек, во всех планах своего бытия»), далее речь идет, прежде всего, о конфликте внутреннем, конфликте в душе.

На этапе «конфликта» обнаруживаются преграды к реализации идеальной формы – «жизни в Боге» («испытывается свобода человека и его доверие к Богу»). Мы уже столкнулись с тем, что свобода – важнейший

критерий начала духовной жизни, но понимание свободы, свойственное человеку гуманистическому, иное, нежели у человека духовного. По мнению св. Силуана, так же, как и других св. Отцов, свобода человека – в его возможности жить вечной Божественной жизнью, а отпадение от нее из-за власти греха над человеком является несвободой. В духовном понимании свобода – категория внутренняя, а не внешняя, и поэтому действительной преградой для реализации идеальной формы является несвобода внутренняя – власть греха над человеком. Актуальность внешней свободы снимается.

Существует и вторая преграда – недоверие к Богу. «...когда Бог видит верность Ему души подвижника, как видел он верность Иова, тогда поведет его по недоступным никому другому безднам и высотам... Бог призывает всех. Но не все отзываются на Его призыв. Те, которые отозвались, сурово испытываются Богом, и степень суровости испытания соразмеряется Богом со степенью верности и преданности Ему. Любящие Бога проходят через многие и тягчайшие искушения... Во время самого испытания душа не может воспринять его как милосердие Божие или доверие к ней, как желание Его приобщить человека к святости и полноте пребывания в Себе... Встает вопрос: зачем все это...» (*архим. Софроний*, 1994, сс.189-190, 214).

В описании начала духовного пути мы читаем и об осознании своей недостаточности и неспособности, о поиске путей изменения себя: «Человек до благодати живет и думает, что у него все на душе хорошо и благополучно; но когда посетит его благодать и пребудет с ним, тогда он видит себя совершенно иначе, а когда снова потеряет благодать, тогда только узнает он, в какой великой беде находится» (*там же*, с.312). «Последующий период – потеря благодати – погружает человека в великую скорбь и недоуменное искание причин и путей возвращения Божиего дара. И лишь по прошествии многих лет... человек обнаруживает в себе свет познания путей духа, пришедших таинственно, без наблюдения... Первое восхищение в «видение» дается человеку свыше без его искания... Зато после он уже не может забыть о нем и со многую печалью сердца снова и снова ищет его... Семя любви Божией, которое несет в глубине своей души, порождает тогда в ней покаяние... Человек с великим плачем обращается к Богу всем существом своим, всюю силою, и так научается подлинной молитве, которая исторгает его из мира сего в иной мир, где слышит он неизречаемые глаголы...» (*там же*, сс.184,138,190).

В психологическом контексте осознание внутренних преград («знает о своем отступлении от любви Божией», «терзается сознанием своей неправды и измены Богу») рождает мотивацию к новой деятельности («по-

рождает тогда в ней покаяние... человек с великим плачем обращается к Богу... и так научается подлинной молитве»), которая приводит к снятию конфликта.

Рефлексия в этот период не носит интеллектуального характера, что важно подчеркнуть в плане практической работы с переживающими кризис. Повторяемый неуспех (потеря благодати, богооставленность) осознается как собственная недостаточность. Подвижник понимает, что причина богооставленности – в его собственном страстном, греховном состоянии, подверженности демоническому влиянию, несовместимому с принятием благодати. Появляется отношение к мере своих возможностей и способностей: отвращение, ненависть к греховным движениям в себе, к своей страстности.

Как мы помним, одним из новообразований кризиса развития является дифференциация самооценки, с которой мы сталкиваемся и в описании начала духовного пути в книге архимандрита Софрония Сахарова: «Из смены состояний – причастия благодати и отнятия ее – человек с достоверностью убеждается, что «жизни в себе не имеет», что жизнь его в Боге, вне Его – смерть. Когда душа устаивается пришествию Божественного света, тогда она подлинно живет вечной жизнью, то есть самим Богом, а где Бог – там невыразимая в слове свобода, потому что вне смерти и страха тогда человек» (*там же*, с.140). С одной стороны, происходит снижение реальной самооценки («жизни в себе не имеет», «жизнь его в Боге, вне Его – смерть»), с другой стороны – создание идеальной самооценки («когда душа устаивается пришествию Божественного света, тогда она подлинно живет вечной жизнью»). Дифференциация самооценки является необходимым механизмом развития: чем более она выражена, тем более полными будут новообразования, тем более интенсивным будет рост «внутреннего», нового человека. Здесь находится третья «развилка» кризиса, в которой свободная воля человека решает все, т.к. «встает вопрос: зачем все это?». В случае отрицательного ответа кризис сворачивается; если ответ невятен, неокончателен – не происходит дифференциация самооценки, что ведет к искажению новообразований, к формализации, в нашем случае – к феномену внешней религиозности.

Здесь необходимо одно отступление: не следует путать самооценку с самонимением, самолюбием, самоуважением (с тем, что св.Отцы называли «самоцен»). Именно «самоцен», а не самооценка противоположен смирению, которое у св.Отцов является критерием духовной зрелости, достигается долго и трудно, и никак не может быть обретено на рассматриваемом нами этапе рефлексии. Самооценка же, которая связана с деятельностью, участвует в ее организации, снижаясь в период кризиса –

на этапе рефлексии, по мере выхода из собственно критической фазы постепенно восстанавливается. В противном случае человек остается беспомощным, не может начать новую деятельность, необходимую в дальнейшем духовном развитии.

На следующем этапе духовного кризиса полное снятие благодати заменяется положением, когда подвижник то получает благодать (в значительно меньшей степени, чем вначале), то вновь теряет ее. Смена состояний, таким образом, приводит к ясному пониманию происходящего, постепенно приобретаются знания о действии помыслов различных страстей и действии благодати: «Он (Бог) дает разуметь пришествие благодати и учит нас познавать – за что она приходит и за что теряется» (*там же*, с.317).

Этот этап мы определяем как переход к посткритической фазе. Конфликт затухает, состояние богооставленности заменяется «умалением благодати». Предметом деятельности здесь становится подготовка созревания новообразований кризиса – иного типа мышления, пока не описанного в психологии («зарождается подлинное духовное ведение и рассуждение», «познание путей духа»), духовного отношения к другому человеку. Предшествующий стабильный период со свойственным ему гуманистическим отношением к другому человеку, критериями которого являются юридическое равенство, справедливость, социальная (внешняя) свобода, снимается отношениями духовной любви: «Старец всегда говорил только о любви Божией и никогда о справедливости... Людям обычно свойственно юридическое понимание справедливости. Возложение на кого-либо ответственности за вину другого они отвергают как неправду. В их юридическом сознании это не укладывается. Но иное говорит дух любви Христовой. По духу этой любви разделение ответственности за вину того, кого любим, и даже несение всей полноты ее – не только не чуждо, но и до конца естественно. Больше того, в этом несении чужой вины выявляется подлинность любви и достигается ее самоосознание» (*там же*, сс.116, 118).

В конечном счете, исход кризиса зависит не только от собственного усилия человека, но и от участия благодати, то есть достигается в синергии: «И вера наша и покаяние в какой-то непреодолимой мере зависят от нашей свободы и, в то же время, являются даром Божией благодати... от свободы человека зависит и мера дара Божия» (*там же*, с.30).

Здесь так же, как и в психологическом кризисе развития, происходит переход к новой ведущей деятельности – «стяжание благодати через подвиг». Этот период является очень длительным: «Исторический опыт Церкви... дает возможность определить этот срок, начиная с 15 лет... у мно-

гих он длится 20, 25, 30 и даже более лет» (*там же*, с.181). В посткритической фазе начинает реализовываться истинная идеальная форма, происходит поиск значимого другого, что характерно для посткритической фазы: «И лишь по прошествии многих лет смены духовных состояний, сопровождающихся обычно чтением Священного Писания и творений Святых Отцов Церкви, беседами с другими подвижниками благочестия, после долгой борьбы со страстями человек обнаруживает в себе свет познания путей духа» (*там же*, с.184). Человек становится святым. Но все это уже выходит за рамки нашей темы.

Описанный здесь духовный кризис далеко не всегда заканчивается успешно: «Немногие знают последовательность христианского подвига и теряются на этом пути», «...сравнительно многие удостоились благодатных посещений в начале своего обращения к Богу, но лишь очень немногие устояли в... подвиге» (*там же*, сс.189, 42). Кроме нормальной динамики, возможно и патологическое развитие кризиса, искажение и ущербность новообразований: «Частое явление, что человек после некоторого опыта благодати не возрастает в ней, но теряет ее; и религиозная жизнь его сосредотачивается в мозгу, как отвлеченное понимание. Пребывая в таком состоянии, он нередко мнит себя обладателем духовного ведения, не разумея, что подобное отвлеченное восприятие... есть своеобразное извращение Слова Божиего» (*там же*, с.88).

К теоретическим сведениям о духовном кризисе добавим описание современных его особенностей, которые мы имели возможность наблюдать в своей работе с педагогами. Психологическая помощь в период кризиса включает в себя предоставление возможности убедиться в нормальности происходящего, а также особую тактику работы на каждом из этапов кризиса. Поэтому дифференциация структуры кризиса на фазы и этапы имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Знания о динамике кризиса, полученные от св.Отцов, необходимы, так как психологическая помощь, оказанная специалистами, не понимающими сути происходящего, может привести к блокированию кризиса или к ущербности новообразований. Нами был разработан опросник для индивидуальной работы, позволяющий определить актуальные фазы и этапы духовного кризиса.

Предкритическая фаза духовного кризиса может быть выражена как ноогенный невроз, депрессия, однако она проявляется и лишь как некоторая «растерянность» в своих ценностях, «замешательство» в бурном течении жизни, как предчувствие духовности, еще не перешедшей в данный момент из возможности в действительность. И если кто-либо в этот

период предложит некое средство, обозначенное как «духовность», то, скорее всего, оно будет испробовано. Поэтому кризис может стать пунктом, в котором произойдет отклонение от нормального пути развития, извращение, регрессия. Предчувствие духовности остается при этом в качестве «следа», становится ненасыщаемой потребностью и удовлетворяется различными суррогатными методами.

Явление идеальной формы происходит обычно в более умеренном варианте, чем это описано в книге о св.Силуане Афонском, например, может случиться, что человек берет в руки книгу, которую он не успел еще прочитать, и рука сама открывает нужное место, в котором описывается житие человека «в Боге», или случайно слышит чьи-то слова, которые вдруг являют образ новой, духовной жизни с Богом. Он видит во сне мудреца или женщину и узнает их потом в образе Богородицы или особо почитаемого в данной местности святого, или, обессилевший и безутешный, получает силу и утешение от чудотворной иконы.

Как уже говорилось выше, к началу духовного кризиса может подойти и человек верующий, уже воцерковленный, но не обновленный еще благодатью, и человек, никакого отношения к религии, Церкви ранее не имевший, но живущий по естественному закону совести. Оба они внутренне готовы к обновлению. Естественно ожидать, что течение кризиса у них все же различается. Но чем?

Для нецерковного современника первая фаза может обернуться бегством от семьи, друзей, профессии, в конце концов, отказом от самой жизни. Он подобен утопающему, готовому схватиться за любую соломинку, он легкоуловим в самые различные сети. Напротив, укорененный в религиозной культуре человек, защищен знаниями принципов «духовной безопасности», воодушевлен советом духовно опытных людей, уже переживших начальные этапы кризиса, имеет благодатную помощь Святых Таинств Церкви.

Существуют различия в переживании кризиса и во второй фазе – «мифа о себе». У человека невоцерковленного или недавно воцерковленного, имеющего небольшой опыт исповеди, больше шансов принять «миф о себе», впасть в «прелесть». Как считает современный подвижник архимандрит Лазарь, из прелести и сомнения возникли пагубные ереси, расколы, безбожие, богохульство (1995, с.17). Часто в наше время получение «призывающей» благодати и манифестация «мифа о себе» приводит к феномену «лжестарчества» или «младостарчества», суть которых в том, что духовно еще не совершенный человек принимает на себя роль духовника, святого, пророка, предсказателя судьбы, духовного обличителя и пр. Он спешит использовать появившиеся способности для укреп-

ления своего социального статуса, получения выгоды (в том числе, психологической), для создания «своего» религиозного учения, превращаясь в «учителя», «гуру», руководителя новой секты, иногда в практикующего православного психолога, считающего себя проводником воли Божией, который предупреждает своих клиентов: «Я молюсь перед тем, как дать Вам совет, его мне Бог дает, а Вы должны неукоснительно ему следовать».

Существуют специфические искажения, связанные с этапом «мифа о себе» и являющиеся вариантом застревания на нем с формированием компенсаторных механизмов, которые приняты называть «неофитством». К ним относится, например, готовность поучать не только домочадцев, соседей и сослуживцев, но и опытных священников, известных богословов, всю жизнь посвятивших изучению св.Отцов. Это и уверенность в том, что смысл евангельских слов: «Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду...» (Мф 25:32) заключается в том, что Бог обязан заботиться о нем, его детях, его родителях (я – не хочу, а Он – обязан). Сам новоиспеченный христианин устраняется при этом от дел в ожидании проявлений заботы, перестает воспитывать, кормить, ухаживать, лечить. Продуктом данной фазы могут стать острые психозы, в частности, маниакальное состояние, иногда сопровождающееся сексуальным возбуждением. Наиболее конструктивной тактикой работы с человеком на этапе мифологизации является его знакомство с православной традицией «не принимать» необыкновенных способностей и состояний: «Ибо вот один из св. Отцов за чистоту свою, по благодати, получил дарование предузнавать идущих к нему, и молил Бога... чтобы взято было у него это дарование. Если же некоторые из них и принимали дарования, то принимали по нужде (для пользы других) или по простоте своей...» (*авва Исаак Сирий*, 1993, с.36, с.154-155). Развеешь миф, самообман переживающего кризис – особое искусство; прямое указание на неправильность духовного пути может вызвать протест и следование прежним курсом вопреки «наветам».

На этапе «конфликта» у религиозного человека всегда есть надежда, потому что есть благодатная помощь Св. Тайнств; несмотря на тяжесть пути, он идет вперед. Кроме того, ему более доступно осознание своего несовершенства, легче воспринять совет: «Потерпи». Ему не кажется нелепым утверждение о нормальности происходящего; он уже может знать слова Игнатия Брянчанинова о том, что: «...премудрость и всемогущество Божие служат причиной того, что на рабов Божиих искушения и скорби действуют душеспасительно» (*свт. Игнатий*, 1991, с.146). У нецерковного человека надежды меньше, главным часто оказывается желание любым путем прекратить то, что происходит: ценой алкоголя, рег-

рессии, суицида. Более явно дает о себе знать эмоциональное истощение, больше возможностей получить соматическое заболевание или соматизированную депрессию.

Воцерковленный человек успешнее проходит этап «рефлексии». Ему помогает в этом наличие рефлексивной культуры, воспитанной исповедью. Для человека нецерковного велика вероятность того, что дифференциации самооценки не произойдет: он не позволит снизиться своей самооценке. В результате может сформироваться феномен формальной, внешней церковности, «обрядоверия» без внутренних изменений, которое имеет множество проявлений. Например, это черствость и жестокость по отношению к «внешним», в число которых входят и близкие, родные, усвоение околицерковных предрассудков, паломничество к святым местам, понимаемое как своеобразная форма отдыха, туризма (особенно, когда это связано с ущербом для больных близких людей, детей, нуждающихся в уходе и внимании).

Посткритическая фаза у воцерковленного человека также будет более полной – для него не составит особой сложности получить информацию о том, в каких духовных книгах искать ответы на появляющиеся вопросы, к каким людям, уже пережившим обновление, обращаться за советом.

Таким образом, человек, являясь членом Церкви, имеет гораздо больше возможностей лучшим образом пережить духовный кризис – религиозное воспитание и раннее воцерковление выполняют здесь подготовительную роль.

Последнее, что мы хотели бы рассмотреть – это соотнесение сведений о духовном кризисе как обновлении благодатью, с описаниями духовного кризиса в некоторых направлениях психологии. О явлении «духовного кризиса», описанного в трансперсональной психологии С.Грофа (*С.Гроф, К.Гроф, 1996*), мы уже писали в нашей статье «Построение лестницы развития/регрессии...» (*Миронова, 2003, с.59*). Мы считаем, что ни динамика, ни содержание этого антропологического явления не совпадают с динамикой и содержанием предмета нашего рассмотрения. С психологической точки зрения, это кризис не развития, а регрессии, и его итог – повреждение смысловых структур сознания. С точки зрения христианской антропологии – это пример «покривленного делания», т.к. плодом его является демоническая духовность, одержание духами-гидами, контактерство и т.п.

Гораздо более интересен в нашем контексте «кризис, вызванный духовным пробуждением», описанный в психосинтезе (*Ассаджиоли, 1994*).

Здесь указывается на четыре критические стадии духовного развития: кризис, предшествующий духовному пробуждению; кризис, обусловленный духовным пробуждением; реакции на духовное пробуждение; фазы процесса преображения.

Основными симптомами кризиса, предшествующего духовному пробуждению, являются неудовлетворенность своей жизнью, начало поиска «истока и назначения» – смысла жизни. Здесь появляются негативные состояния тревоги, беспокойства, ощущения внутренней пустоты. Многообразные проявления кризиса напоминают симптомы психоневрозов и пограничных состояний и вызываются пробуждением новых стремлений и интересов нравственного, религиозного или духовного свойства (*там же*, сс.34-36).

Разрешение кризиса Р.Ассаджиоли видит в «раскрытии канала, соединяющего Я и эго», в результате чего симптоматика кризиса исчезает с поразительной быстротой, возникает чувство радости и интеллектуальное прозрение, осознание цели и смысла жизни. И лишь в неблагоприятных случаях, когда человек из-за каких-либо психологических особенностей не способен правильно усвоить нисходящие на него «свет и силу», возникает кризис, обусловленный духовным пробуждением. Его симптомы проявляются как усиление и разрастание эго, самопревозношение, самопрославление, самообольщение, неуравновешенное поведение, крики, слезы, пение, эмоциональные вспышки. Переживающий кризис может усвоить роль пророка или спасителя, основать новую секту, у некоторых бывают видения, как они считают, высших существ, слышание голосов, они принимают послания посредством автоматического письма, нимало не сомневаясь в авторитетности их источников и безоговорочно им подчиняясь (*там же*, сс.36-39). Все это соответствует этапу «мифа о себе» в нашем понимании духовного кризиса.

Надо отметить, что, в противовес С.Грофу, Ассаджиоли предупреждает, что следует отрицать какую-либо правомочность за посланиями, которые содержат в себе конкретные приказы, требуют от получателя слепого подчинения или стремятся его возвеличить.

Через некоторое время после фазы кризиса, вызванного духовным пробуждением, развивается реакция на духовное пробуждение. Вначале наступает временное состояние преображения, связанного с осознанием цели и смысла жизни, состояние приподнятости, когда «прежняя личность с ее острыми углами и неприглядными чертами как бы отступает на задний план, а... всему миру улыбается новый человек... преисполненный стремлением порадовать, помочь и поделиться своими только что обретенными духовными богатствами, изобилие которых кажется ему чуть

ли не избыточным» (*там же*, с.40). Но такому состоянию суждено прекратиться. «Личное эго» опять поднимает голову и утверждает себя с новой силой. Все камни и мусор, скрытые до поры высоким приливом, обнажаются вновь. Человек, чья совесть за это время стала более утонченной и взыскательной, а тоска по совершенству обострилась, становится гораздо строже в своих оценках и осуждает свою личность с новым пылом; он может проникнуться ошибочной уверенностью, будто пал ниже прежнего. Иногда даже случается, что низшие пристрастия и влечения, дремавшие ранее в бессознательном, активируются внезапным притоком высоких энергий или подталкиваются к яростному противодействию пробуждением человека – ибо оно являет собой вызов и угрозу их бесконтрольному проявлению. Человек хочет, чтобы приподнятое состояние вновь возвратилось, его нередко посещает «ностальгия по божественному», но, сколько бы он ни старался, он не может к нему вернуться. Предлагаемый способ работы – «надлежащее лечение кризиса» – разъяснить, что испытанное приподнятое состояние... не могло продолжаться вечно и что возврат к прежнему состоянию был неизбежен... и что крутой путь к вершине должен быть преодолен шаг за шагом» (*там же*, сс.40-42).

Радикальное преобразование и обновление личности, самопостижение, духовный психосинтез – результаты кризиса, долгий и многосторонний процесс. Фаза преображения изобилует «чередованиями света и тьмы, радости и страдания». Р.Ассаджиоли не рекомендует подавлять на данной фазе сексуальные или агрессивные влечения, он видит решение этих проблем «на путях гармоничной интеграции, объединения всех влечений в одну совокупную личность – сначала путем надлежащего согласования между собой и соподчинения, а затем путем преобразования и сублимации избыточной или неиспользованной части энергии». Для этого рекомендуется обучать пациентов методам превращения и сублимации сексуальной и агрессивной энергий, помогать распознавать и усваивать энергии, исходящие от Я и сверхсознательных уровней. Нервные, эмоциональные и умственные расстройства являются преходящими реакциями, побочными продуктами органического процесса внутреннего роста и обновления личности.

Итак, если сравнивать структуры кризиса, описанные К.Н.Поливановой и Р.Ассаджиоли, то, несмотря на разницу в терминологии, обусловленную различием психологических школ и подходов к структурированию, по существу, они очень похожи. Но при сравнении духовного кризиса Р.Ассаджиоли с кризисом, пережитым праведным Иовом, или с учением о начале духовного пути св.Силуана Афонского, несмотря на внешне похожую структуру, выявляются существенные различия, главные из кото-

рых заключаются в результате и в движущих силах процесса преодоления кризиса. В «кризисе, обусловленном духовным пробуждением», результатом является самопостижение и духовный психосинтез (гармонизация стремлений и психических функций в единое целое), при этом продвижение в кризисе осуществляется только за счет самого человека. Главный итог духовного кризиса праведного Иова и святого Силуана Афонского – встреча с Живым Богом, продвижение же является результатом согласия двух волей – божественной и человеческой. В описании Р.Ассаджиоли есть лишь смутная «ностальгия по божественному», взятая в кавычки; изменение происходит «само из себя», из недр личности-эго. В противоположность принципу христианской антропологии, гласящему, что духовное развитие есть результат синергии человека и Бога, в психосинтезе переживающий кризис ориентируется на самозамкнутость. С этим связан еще один момент, весьма существенный для понимания истинного исхода кризиса: медитативные техники, которые активно используются в психосинтезе для сопровождения кризиса (Ассаджиоли, 1994), по представлениям православной аскетики актуализируют отнюдь не духовное, но «плотское» состояние сознания, уводят человека от общения и синергичного взаимодействия с Богом. Так, в книге о св.Силуане Афонском мы читаем о медитации: «человек усилием воображения ... приводит себя в состояние душевного «эмоционального» возбуждения, которое при большой концентрации может дойти до своеобразного патологического экстаза. При этом он радуется своим «достижениям», привязывается к таким состояниям, находит их духовными... а в результате доходит до галлюцинаций, тяжело заболевает душевно, или, в лучшем случае, пребывает в «прелести»...» (архим.Софроний Сахаров, сс.148-149). Тактика сопровождения духовного кризиса в психосинтезе, с точки зрения православной аскетики, есть скорее тактика угашения и поглощения энергии «призывающей» благодати, препятствующая отрыву от траектории естественного развития и приводящая к своеобразному «выкидышу» духовности.

Итак, мы рассмотрели тексты, принадлежащие различным культурам, языкам и традициям, и обнаружили, что, несмотря на все формальные различия, они описывают, по сути своей, одно и то же явление – феномен духовного кризиса. Это открытие имеет несколько следствий.

Первое, важное для теории православной психологии и практической работы православных психологов, заключается в том, что духовный кризис, рассматриваемый с точки зрения христианской антропологии и традиции св.Отцов, разделяет пути естественного развития в онтогенезе

(по закону) и сверхъестественного развития (по благодати); это период сосуществования Ветхого и Нового Завета в одном человеке. Здесь действуют и «путы» закона, и благодатная свобода. Форма духовного кризиса задана структурой, принадлежащей естественному закону, а содержание создается по сверхъестественному согласию двух воль – божественной и человеческой. Нормой духовного кризиса является полный «отрыв» от естественного пути развития и переход на сверхъестественный путь. Критерием нормы развития духовного кризиса является снижающееся самолюбие (или растущее смирение).

Второе следствие заключается в том, что структура психологического кризиса (в описании К.Н.Поливановой) является универсальной для естественного пути развития. Дифференциация самооценки и снижение реальной самооценки в любом кризисе также являются общепсихологической закономерностью, поэтому сопровождающая работа психолога в любом кризисе развития не может быть связана с повышением самооценки – это грозит остановкой, торможением, искажением нормальной динамики развития. Предметом работы психолога может быть помощь в том, чтобы у человека сохранялась уверенность, что переживаемое является нормой, помощь в «усмотрении» явленной идеальной формы, в преодолении «мифа о себе», дифференциации самооценки. Психолог может утешить и поддержать человека на этапе конфликта, а также помочь отыскать информацию о том, как другие люди переживали подобный опыт.

В структуре духовного кризиса обнаружены три особые точки, три «развилки», в которых решается вопрос, будет ли кризис развиваться далее, и насколько полноценными будут его новообразования. Это точки приложения свободной воли человека, и течение кризиса в этих точках должно стать предметом особой заботы психолога, сопровождающего кризис.

ЛИТЕРАТУРА

- Августин, блаж., епископ Ипонский.* О Крещении I, 24-25.
Амвросий Медиоланский, свт. О вдовицах, 12, 72.
Антоний Сурожский, митр. Человек перед Богом. – М., 1993.
Ассаджиоли Р. Психосинтез. – М.: «REFL- book», 1994.
Гроф К., Гроф С. Неистовый поиск себя. – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996.
Зайцев А.А. «Распроси ближнего твоего прежде, нежели грозить ему...». – Калуга:Сардоникс, 2002.

- Игнатий Брянчанинов, свт.* Приношение современному монашеству. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991.
- Игнатий Брянчанинов, свт.* Собрание писем. – М.-СПб.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 1995.
- Иоанн Кассиан Римлянин, прп.* Писания. – М., 1992.
- Исаак Сирин, авва.* Слова подвижнические. – М.: Правило веры, 1993.
- Лазарь, архим.* «О тайных недугах души». – М., 1995.
- Лосский В.Н.* По образу и подобию. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1995.
- Максим Исповедник, прп.* Творения. Кн. 1.
- Миронова М.Н.* Построение лестницы развития/регрессии в христиански-ориентированной психологии // Московский Психотерапевтический Журнал. № 3, 2003.
- Никон (Воробьев), игумен.* Письма духовным детям. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991.
- Поливанова К.Н.* Психологический анализ кризисов возрастного развития//Вопросы психологии. № 1, 1994.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека. – М.: Школьная пресса, 2000.
- Софроний Сахаров, архим.* Старец Силуан. – Международный издательский центр православной литературы, 1994.